
Владимир Николаевич Забугин – итальянский рецензент русской мысли

© 2020 г. О.И. Кусенко

Институт философии РАН, Москва,
109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: isafi137@gmail.com

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2569-3037>

Поступила 17.05.2020

В настоящей статье пойдет речь об одной из ключевых фигур русской философской италянистики первой четверти XX в. – специалисте в области ренессансных исследований Владимире Николаевиче Забугине и о небольшой части его масштабного творческого наследия, а именно о рецензиях, регулярно публикуемых автором в ведущих итальянских научных журналах и освещавших достижения русской историко-философской мысли и литературы. Забугин, обретший в Италии вторую родину за десятилетие до февральской революции, первым открыл итальянской публике о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, медиевистические тексты Л.П. Карсавина и П.М. Бицилли, философские проблемы творчества А.Н. Майкова, одним из первых заговорил о В.С. Соловьеве. Рассматриваемые рецензии решали не только лишь важную саму по себе задачу знакомства итальянской публики с выдающимися работами русских авторов, не доступных западному читателю по причине языкового барьера, но и в определенной мере служили для Забугина материалом для развития и подкрепления собственных историко-философских взглядов. Анализ критических статей русско-итальянского мыслителя позволяет проследить истоки важной концепции «христианского Возрождения», которой посвящена его посмертно опубликованная работа «История христианского Возрождения в Италии» (Милан, 1924), открыто полемизирующая с признанными в Италии теориями Я. Буркхарда и Л. Пастора. Не оставлена без внимания и история активного участия Забугина в амбициозном проекте по объединению православной и католической церковью, периодическом издании *Roma e l'Oriente*, публикации которого до сих пор не изучены в отечественной научной литературе, как, впрочем, и все основные труды Владимира Николаевича, публиковавшиеся на итальянском языке.

Ключевые слова: русская италянистика, Ренессанс, В.Н. Забугин, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Н. Майков, Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, русская мысль в Италии.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-10-158-169

Цитирование: Кусенко О.И. Владимир Николаевич Забугин – итальянский рецензент русской мысли // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 158–169.

Vladimir Nikolaevich Zabughin and His Italian Reviews of Russian Thought

© 2020 Olga I. Kusenko

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Science,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: isafi137@gmail.com

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2569-3037>

Received 17.05.2020

The paper guides the reader through a modest but important part of historical and philosophical heritage of Vladimir Nikolaevich Zabughin: through the reviews regularly published by the author in leading Italian scientific journals and covering achievements of Russian religious thought, medieval studies and literature. Zabughin is one of the key Russian figures in the field of Italian Studies in the first quarter of the 20th century, specialized in the Middle Ages and the Renaissance. Living and working in Italy, he closely followed the development of philosophical thought in his homeland. He was the first to introduce Italian audience to P.A. Florensky, S.N. Bulgakov, medieval studies of L.P. Karsavin and P.M. Bitsilli, philosophical lyric drama of A.N. Maykov and he was also one of the first to talk in Italy about V.S. Soloviev. The presented reviews were aimed not only at important task of acquainting Italian public with outstanding works of Russian authors, not accessible to the Western reader because of the language barrier, but to a certain extent served as material for Zabughin's own historical and philosophical views. The analysis of these critical articles allows to trace the origins of his important concept of the "Christian Renaissance", which was expressed in his posthumous work "The History of the Christian Renaissance in Italy" (Milan, 1924). His idea on Renaissance was different to the Burckhardt and Pastor theory (at that time accepted in Italy). The article also deals with the history of Zabughin's engagement in Orthodox-Catholic reconciliation and his editorial and publishing activities on the pages of the Grottaferrata's periodical "Roma e l'Oriente".

Keywords: Italian Studies in Russia, Italian Renaissance, V.N. Zabughin, «Christian Renaissance», Russian Studies, V.S. Soloviev, P.A. Florensky, S.N. Bulgakov, A.N. Maykov, L.P. Karsavin, P.M. Bicilli, School of Medieval Studies, Italian-Russian cultural relationships in the 20th century.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-10-158-169

Citation: Olga I. Kusenko (2020) "Vladimir Nikolaevich Zabughin and His Italian Reviews of Russian Thought", *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2020), pp. 158–169.

Выдающийся историк, филолог-итальянист, мыслитель, автор концепции «христианского Возрождения» Владимир Николаевич Забугин (4 июня 1880 – 14 сентября 1923) был не только тонким и вдумчивым исследователем средневековой и ренессансной мысли, активным церковным деятелем, практически воплощавшим проект объединения восточной и западной церквей. Он был неутомимым информатором итальянской публики о религиозно-философских и литературных трудах своих соотечественников.

Соединив свою судьбу с родиной Данте с 1903 г., Забугин сделал блестящую научную карьеру. Он преподавал литературу эпохи Возрождения в Римском университете, регулярно публиковался в ведущих научных журналах, был членом Аркадской

академии, пользовался известностью в итальянских академических кругах (подробнее см.: [Надзаро 2014; Рицци 2019]). В своих монографических исследованиях и статьях ученый предлагал не только оригинальный герменевтический ключ к рассматриваемым персоналиям и эпохам, но и вступал в открытую полемику с устоявшимися концепциями Средневековья и Ренессанса. Справедливо пишет о нем Н.А. Селунская: «Интерпретирование прошлого Италии, собственная концепция культуры Возрождения, происходили одновременно с усвоением новой идентичности, выстраиванием новых собственных границ в новом культурно историческом пространстве» [Селунская 2019, 18]. Полностью погрузившись в итальянский академический и культурный контекст, Забугин не переставал пристально следить за развитием русской религиозной и историко-философской мысли. Рецензии Забугина, периодически публикуемые в итальянских научных журналах, преследовали не только популяризаторские цели, но и служили для ученого материалом для развития и оттачивания собственных историко-философских гипотез и концепций.

В 1907 г. в римском научном журнале *Rivista d'Italia* публикуется статья под названием «Античный Рим и современная Италия. В поэзии А. Майкова». В этой работе Забугин знакомит читателей с исторической трагедией русского поэта «Два мира» и более ранними вариантами работ Майкова на сходную тему столкновения античного Рима и христианской культуры. Критическая статья опубликована в двух частях и представляет собой тонкую аналитическую работу, реконструирующую интеллектуальный путь и искания русского поэта-мыслителя, а вместе с ним и всего поколения русских умов, увлеченных более достижениями немецкой философии или античной культурой, нежели основами собственной христианской веры. Из этой ранней рецензии Забугина мы узнаем про его критическое отношение к немецкой идеалистической философии. Он был далек и от популярного в первой половине XX в. итальянского идеализма; в отличие от Б.В. Яковенко и Ф.А. Степуна он не искал возможностей сотрудничества с основными представителями этого течения, хотя располагал для этого всеми возможностями. В том числе любезным расположением к нему Дж. Джентили, давшего весьма лестную характеристику его творчества [Gentile 1989, 27].

Внимание к литературно-философской поэме Майкова связано с непосредственной сферой научных занятий Забугина: классическая древность, которая соприкасается с христианством, органично вырастает в него, оставаясь в нем на протяжении всего существования христианской цивилизации, в частности, в период Ренессанса, который стал первостепенным предметом филологических и философских интересов русско-итальянского мыслителя. Упомянутая в рецензии близкий ему ренессансный гуманист, автор озвучивает следующий важный для его собственной будущей концепции «христианского Возрождения» исторический факт: «Гуманисты Кватроченто, наряду с Сенекой, Цицероном, Боецием и Августином, штудировали мартирологи и христианскую поэзию» [Zabughin 1907^a, 90]. Затем, детально реконструируя непростой духовный путь Майкова, осознавшего недостаточность своих познаний основ христианского верования и обратившегося к изучению Евангелия, греческого языка, к полуапокрифной славянской народной поэзии, Забугин сближает интеллектуальные портреты русского поэта и представителей ренессансной культуры. Исследователь пишет: «Христианин в своем роде, Майков заигрывал с языческой культурой, подобно ученым мужам Ренессанса, всегда невинно, часто наивно» [Ibid., 95]. В этой крайне примечательной характеристике просвечивают идеи, которые в полной мере будут выражены в посмертно опубликованной фундаментальной работе «История христианского Возрождения в Италии» [Zabughin 1924]. В ней русско-итальянский мыслитель исследует религиозную ментальность Возрождения и на множестве примеров из литературных и философских текстов, изобразительных искусств, архитектуры, музыки демонстрирует это «невинное» обращение его творцов к языческой культуре. Забугин убежден в том, что «...с самых первых веков Церковь использовала наследие классического прошлого для своих нужд и, располагая языческие статуи в своих храмах, заботилась о том, чтобы приложить христианскую голову к языческому торсу» [Ibid., 10]. Итальянский

Ренессанс XIV–XV вв. в лице большинства его представителей для петербургского исследователя – именно продолжение той же логики. И творчество Майкова, блестящего знатока и певца античности и одновременно благочестивого христианина, поэтически прославляющего свою веру, для Забугина феномен того же порядка.

Анализируя в первой части своей критической работы драму Майкова «Три смерти», Забугин находит в ней близкие традиции религиозно-философской мысли черты христианского платонизма. Исследователь пишет: «Это не драма в собственном смысле слова, а скорее рифмованный диалог, преимущественно платоновский по форме, даже можем прямо предположить, что в глубинной сущности его фундаментальной концепции проглядывают основные идеи “Федона”. <...> Вероятно, по мнению поэта, Сенека должен был представлять то интеллектуальное течение античного языческого мира, которое Восточные Отцы Церкви любили называть *logos spermatikos*, протохристианство, затаенное в недрах эллинической мысли, скрытое откровение, но уже явно отмеченное божественным знамением, которое вдохновляло возвышенные созерцания Сократа и Платона, суровые и тонкие моральные штудии Сенеки и Эпиктета, смутные пророчества Сивиллы Александрийской» [Zabughin 1907^a, 108–109]. Несмотря на указанные сюжеты, поэма, по Забугину, остается во власти изначально заданной философской схемы гегелевской диалектики. Согласно этой схеме есть два мира: уходящий и нарождающийся, христианская душа и языческая, их противоборство. Подобный подход мешает, по мнению рецензента, поэту видеть живые характеры эпохи. В том, как Майков изображает своих героев, проявляется отмеченное выше «наивное заигрывание» с язычеством. Так, петербургский филолог-мыслитель полагает, что «...Люций – это историческая маска Петрония, но его эпикуреизм скорее подходит к русской бюрократии, к фраку с золотыми пуговицами, чем к петрониянской тоге» [Ibid., 113].

Во второй части рецензии Забугин подробно реконструирует интеллектуальный путь, который прошел Майков от Люция – героя «Трех смертей» до Деция – главного героя «Двух миров». Выступая в ипостаси тонкого искусствоведа и литературного критика, рецензент подчеркивает, что между двумя этими произведениями «...выросла пропасть», и дает следующий комментарий относительно поэтической формы «Двух миров»: «Распалась классическая монотонность слова: язык персонажей сделался индивидуальным, разнообразным, от него исходят вибрации необыкновенных судеб и сильный трепет, которым почти удается расколоть тиски скучного четырех-стопного ямба, но последний, к сожалению, остается непререкаемым сувереном как в “Смерти Люция”, так, к несчастью, и в “Двух мирах”» [Zabughin 1907^b, 467]. Несмотря на значительные изменения, произошедшие с Майковым в процессе работы над «Двумя мирами», он и в этом произведении остается, согласно Забугину, «правоверным гегельянцем»; в его поэме «...язычество должно было погибнуть не в силу объективного факта обращения императора Константина, но из уважению к вечному диалектическому закону» [Ibid., 484]. Одной из причин этой стойкой приверженности гегелевской диалектике Забугин видит историсофскую позицию Майкова, для которого одинаково дороги языческая и христианская культура как две грани антиномии, которые разрешились в синтезе Римской империи, крещеной и освященной, затем в Московском царстве и, наконец, в Российской империи. Гегельянство Майкова, хотя во многом продиктованное художественными замыслами поэта, Забугин, тонкий исследователь античных, средневековых и ренессансных источников, непрерывно критикует. Редукционизм, присущий гегелевской исторической мысли, попытка немецкого философа «...пролететь, надевши сапоги-скороходы» [Гегель 1935, 79], по самым дорогим для исследователя периодам – Средневековью и Ренессансу, – был совершенно чужд Забугину, старавшемуся подобрать индивидуальный герменевтический ключ к различным явлениям и персоналиям рассматриваемых эпох.

Еще один момент, на котором бы хотелось остановиться, – это любопытная характеристика, данная автором Вл. Соловьеву. Задавшись вопросом поиска источников, из которых Майков мог почерпнуть знания о христианской вере, Забугин начинает

исключать заведомо неподходящие: «...не в официальной доктрине государственной Церкви, зараженной бюрократией и лютеранизмом, неспособной поддерживать жизнь, но еще более неспособной умереть; не в западных доктринах, как поступил затем Вл. Соловьев, вначале деист англиканизированный, затем католический, папский, почти римлянин и почти ученик Льва XIII» [Zabughin 1907⁶, 485]. Не вдаваясь в дальнейшие источниковедческие размышления рецензента, остановимся на характеристике Соловьева и слове «почти», которое выдает момент произвольного сближения собственной биографии Забугина с биографией русского философа. Дело в том, что в июле 1907 г. русский ученый принял католичество восточного обряда. На это решение его вдохновила в том числе энциклика папы Льва XIII «*Orientalium dignitas*», наделывшая восточнокатолические церкви особыми правами, в том числе по сохранению своего обряда. Считая себя во многом продолжателем проекта объединения церковей Соловьева и одновременно сторонником церковной политики Льва XIII, Забугин и своего философского кумира записал в его заочные «ученики», попутно наделив его римским «духовным гражданством», которым, судя по всему, должен обладать приверженец «Вселенской церкви».

Убежденность Забугина в необходимости объединения восточной и западной церковей (с сохранением всей их литургической, обрядовой и языковой полноты), а также осознание важности глубокого и беспристрастного познания расколотыми сторонами реализовали себя в амбициозном проекте – журнале *Roma e l'Oriente* с примечательным подзаголовком «*Rivista criptoferratense per l'unione delle chiese*» («Криптоферратский журнал объединения церковей»). Журнал выходил в 1910–1921 гг. в Италии, при поддержке монастыря Гроттаферрата. Забугин активно подключился к редакторской и публикационной активности на страницах этого издания. Он регулярно знакомил итальянского читателя с культурным и социально-политическим состоянием православного и католического миров, с историей их взаимоотношений в эпоху Возрождения, с религиозно-философскими течениями православного мира, его современными теологическими дискуссиями и книжными новинками.

В 1911 г. в апрельском номере журнала *Roma e l'Oriente* выходит рецензия на работу С.Н. Булгакова «Два града. Исследование о природе общественных идеалов» (М., 1911). Судя по тому, как оперативно Забугин реагирует на выход этого сборника, он внимательно следил за развитием русской мысли. Приветствуя выход работы, рецензент сообщает итальянскому читателю следующее: «Появление этой книги крайне интересный феномен, который раскрывает перед нами религиозное движение в наиболее образованных слоях русского общества. Автор этой книги, один из наиболее известных представителей этого движения, прежде чем прийти к осознанию потребности позитивной религии, которая находит свое истинное выражение в Церкви, был последователем Маркса» [Zabughin, 1911, 376]. В этой книге Забугина интересует представление Булгакова о церкви. Он подчеркивает, что его «...представления о церкви очень неточные. Иногда он говорит о церкви как о видимом теле, иногда представляет ее как чисто духовное объединение всех в Иисусе Христе. То он говорит нам о католической церкви, то о православной, порой противопоставляя одну другой, порой смешивая их воедино» [Ibid.].

Выделим три момента, которые послужили основой критического отношения Забугина к работе своего соотечественника: уже упомянутая нетвердость в определении церкви, различность этих определений от статьи к статье сборника; ошибочность суждений о католической церкви; стереотипное представление о религиозной жизни в эпоху позднего Средневековья и Ренессанса. В отношении первого момента рецензентом отмечается, что если во введении Булгаков в целом опирается на историческое понимание церкви, то в статье «Христианство и социальный вопрос» он «...отдаляется от концепции исторической церкви и приближается к модернизму или, скорее, к радикальной протестантской теологии. <...> Он призывает всех христиан к объединению в любви и формированию так называемой “воинствующей церкви” для совместного делания, которое состояло бы в реформе человеческой жизни “*secundum Deum*”» [Ibid., 377–378].

Из этого текста рецензент вычитывает весьма широкий концептуальный взгляд Булгакова на церковь, теряющую в его интерпретации свою догматическую и историческую форму и здравые доктринальные рамки, которые могли бы сделать продуктивным будущий искренний порыв христиан к единству. Конечно, Забугин – католик восточного обряда, бережно относящийся к традициям родной православной церкви, но в то же время чающий будущего конкретного объединения церквей, не мог не отреагировать критически на подобный призыв Булгакова к бесформенному единству. Он сетует на отсутствие в работе каких-либо разъяснений относительно вопроса церковного объединения, проблемы, которая не могла, по его мнению, не волновать религиозного мыслителя. Однако отсылка к проекту церковного единства Вл. Соловьева, с подчеркнуто критическим к нему отношением, данная Булгаковым во введении к сборнику, свидетельствует, по мнению Забугина, о «...наличии у автора собственной идеи объединения, которую он так и не выразил» [Zabughin, 1911, 380]. Отметим, что Забугин никак не отреагирует на более поздние филокатолические работы о. Сергия 1918–1923-х гг., где он как раз выразил эту идею. Именно этим работам, а также парижским богословско-философским трудам было суждено стать наиболее читаемыми и обсуждаемыми в Италии [Валентини, Талалай 2006].

Следующим объектом критики Забугина становятся суждения автора сборника о католической церкви. Рецензент отмечает, что, «...говоря о католической церкви, автор обнаруживает в ней свое непонимание, а порой и совершенное невежество; эти предубеждения и клевета позаимствованы из протестантских источников, которые, к сожалению, слишком часто служат для наших соотечественников проводниками в мир католической церкви» [Ibid.]. Забугин приглашает Булгакова и других русских авторов внимательнее и беспристрастнее изучить католицизм, сожалея о слишком сильном влиянии протестантизма на умы русской религиозной общечеловечности. Наконец, Забугин не мог не отнестись полемически к рассуждениям о. Сергия об атеистической культуре гуманизма, к его убежденности в том, что «...начиная с конца средневековья духовная жизнь человечества... развивалась под знаком светского, внерелигиозного и даже антирелигиозного начала жизни» [Булгаков^а 1997, 348]. Цитируя суждения автора из статьи «Церковь и культура», рецензент подытоживает их емкой фразой: «Под этим мог бы подписаться позитивист!» [Zabughin 1911, 378]. Под «позитивистом», очевидно, подразумевается швейцарский историк и культуролог Якоб Буркхард; русский перевод его книги «Культура Возрождения в Италии» Булгаков с энтузиазмом приветствовал в статье «Средневековый идеал и новейшая культура», соглашаясь с многими положениями этой работы. Так, вслед за швейцарским культурологом, сформулировавшим устойчивый набор характеристик эпохи Ренессанса (подчеркнутый разрыв между Средневековьем и Ренессансом, возрождение Античности и др.), Булгаков утверждает: «Средние века отрицали самостоятельную ценность и самобытность культуры..., античность оставалась запретным плодом. И вот первое проявление реакции против средневекового мировоззрения есть реставрация античности» [Булгаков 1997^б, 105]. Не только для Булгакова, но и для других представителей русской религиозной мысли начала XX в. свойственен взгляд на Ренессанс как на катастрофическую эпоху надлома и разрыва со средневековым мировоззрением, как на историческую неудачу и вырождение культуры, оторвавшейся от своих истинных божественных корней. Будучи не только профессионалом в области латинской и итальянской литературной традиции, но и глубоким знатоком агиографических и мистических текстов, Забугин не разделял указанного преобладающего негативного отношения к Ренессансу, а также к христианской жизни этого периода, как к чему-то второстепенному. Для него несомненен тот факт, что за внешним интересом к классической цивилизации в XIV–XV вв. стоит христианская творческая воля. Забугин подробно рассматривал различные свидетельства культуры итальянского Ренессанса, он подчеркивал, что эта культура оставалась преимущественно католической, и никакого специального возрождения античности не было. «...хотя шаловливое, “голиардическое”, плотское и распутное “язычество” и процветало во времена Возрождения, но оно никуда не исчезало и в Средние

века, как никогда не исчезали пережитки странных предрассудков и легенд античной эпохи, упорно сопротивляющиеся христианской проповеди» [Zabughin 1924, 2–3]. Концепция Буркхарда представлялась исследователю явным упрощением и позитивистской схемой. И Булгакова он, соответственно, предостерегает от некритичной рецепции взглядов швейцарского ученого.

Несмотря на общий сугубо полемический тон рецензии, Забугин положительно оценивает работу Булгакова как «...свидетельство пробуждающейся русской религиозной жизни, которая пытается противопоставить концепции индивидуальной интимной религиозности, ведущей к протестантизму, идею универсальной Церкви» и желает, чтобы «...искренняя любовь к истине привела автора к подлинному представлению о единой, святой, соборной и апостольской Церкви» [Zabughin 1911, 380].

Проблемам единства церквей и пробуждения русской религиозной мысли посвящена другая статья Забугина под названием «Встреча с богоискателем», опубликованная в *Roma e l'Oriente* в 1915 г. Текст построен как диалог автора с молодым русским интеллектуалом, сторонником церковного обновления. В вагоне поезда, движущегося по Италии, завязывается разговор вокруг настоящего и будущего Русской православной церкви. Оба собеседника полагают, что опора церкви и ее спасение от чрезмерной бюрократизации и угасания живого религиозного духа во многом зиждется на русской философско-богословской мысли. Линию обновления русской религиозной жизни участники диалога ведут от митрополита Филарета. Молодой богоискатель восклицает: «Затем настало время реформ, время великого интеллектуального обновления России, появился Филарет Московский... митрополит, литургический поэт, мыслитель, писатель, составитель знаменитейшего Манифеста отмены крепостного права в 1861 г. Теперь, поверьте, даже под бюрократическим льдом, покрывающим церковную жизнь России, этот обновляющий поток потек мощно и величественно» [Zabughin 1915, 263]. Для Забугина митрополит Филарет был очень важной фигурой, сумевшей синтезировать извечную антиномию Восток – Запад в русской богословской мысли и образовании.

За упоминанием митрополита Филарета из уст собеседника автора следует примечательная характеристика о Павла Флоренского: «Вы читали Флоренского? Нашего великого Флоренского, который “на ты” с Кантом и искусно разносит в пух и прах его гносеологию, при этом тактичен и благороден по отношению к противнику? Флоренский – универсальный гений, математик, натуралист, философ, теолог, поэт! Он синтез всего, что может дать и что должна дать Русская Церковь» [Ibid.]. Забугин был знаком с работами Флоренского, и ему была близка концепция конкретного идеализма о Павла, его герменевтический подход к культуре, а также его отношение к Средневековью (но не к Ренессансу!) [Giovanardi 2004]. Забугин не упускает возможности упомянуть и о важной философско-богословской книжной новинке 1914 г. – работе Флоренского «Столп и утверждение истины». В самом начале диалога, подчеркивая платоническую линию русской мысли, он вкладывает в слова собеседника следующие строки: «Платон бы нас понял и Августин Блаженный – тоже, Аристотель и Цицерон – нет. Русскую церковь не понимают на Западе. Это в России написаны “Оправдание добра” Соловьева и “Столп и утверждение Истины” Флоренского» [Zabughin 1915, 255].

Небольшими, но очень емкими характеристиками Забугин вводит в итальянский интеллектуальный контекст важнейшие фигуры русской православной жизни и мысли, возлагая на Флоренского будущность Русской православной церкви. Отца Павла ждала большая известность в Италии. Его открыл для итальянской публики философ и литературный критик Элемире Цолла, опубликовавший в 1974 г. «Столп и утверждение истины». О Флоренском в Италии вышли десятки монографий (см.: [Valentini 2009; Tagliagambe 2013], сотни научных статей, защищаются диссертации. Он действительно стал представителем русской мысли номер один в Италии, особенно после энциклики Иоанна Павла II «*Oriente Lumen*», где творчество о Павла упомянуто как один из приоритетных объектов исследования католическими авторами.

Первое вышеотмеченное упоминание Флоренского на итальянском языке, сделанное Забугиным, напутственно открыло путь рецепции его «универсального гения» в Италии.

В завершении разговора собеседники касаются центральной темы журнала *Roma e l'Oriente* – вопроса объединения церквей. В репликах богоискателя автор выражает мысль о невозможности произвести это объединение лишь человеческими силами: «...предприятие по объединению Востока и католического Запада превосходит человеческие силы и не остается ничего другого, как предположить, вместе с Соловьевым, объединение под властью Антихриста – или каким-то другим ещё более сверхъестественным образом (sic)» [Zabughin 1915, 267]. Однако, не желая разделять скепсис позднего Соловьева, молодой богоискатель надеется на чудо объединения, которое «...будет происходить постепенно, завоеывая избранные умы, горящие сердца, людей вроде Соловьева», и, наконец, произойдет «...усилиями новых людей и совершенно новыми методами без дипломатических переговоров... но общим усилием живой и неравнодушной любви» [Ibid., 268–269]. К таким умам, несомненно, причислял себя Забугин, принимавший деятельное участие в жизни центров русского католицизма в Риме.

В период с 1914 по 1920 г. Забугин публикует цикл рецензий в ключевом научном журнале, посвященном вопросам итальянистики, *Giornale storico della letteratura italiana*. Именно на страницах этого известного издания он открыл итальянской аудитории выдающиеся достижения своей *alma mater*, петербургской школы медиевистики и отдельных ее представителей: Л.П. Карсавина, П.М. Бицилли, В.Э. Крусмана, И.И. Гливенко. Встречаясь в его текстах упоминания о работах других представителей этой школы (И.М. Гревс, К.В. Флоровской, О.А. Добиаш-Рождественской и др.), его учителя Г.В. Форстене, об А.Н. Веселовском. Остановимся на двух коллегам-сверстниках Забугина – Карсавине и Бицилли, которым посвящено наибольшее количество критических статей автора. В 1914 г. Забугин, с явной гордостью представляя читателям «Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков» Карсавина (СПб., 1912), пишет: «С радостью представляем читателям “Журнала” первую большую работу молодого русского исследователя, который, судя по всему, призван оставить заметный след своего таланта и большой любви к предмету исследования в анналах итальянской историографии. Мы нашли будущего “окончательного” биографа Святого Франциска, критика францисканских источников столь же гениального, сколь и усердного, в общем, человека, который если не решит публиковаться на одном из европейских языков, то вынудит исследователей Франциска Ассизского и всех интересующихся религиозной историей Италии эпохи раннего Средневековья к изучению русского языка» [Zabughin 1914, 429].

Проблема средневековой религиозности являлась одной из ключевых тем для Забугина, поэтому он с таким живым интересом откликается на публикацию этой работы, а также ее продолжения – монографии «Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв., преимущественно в Италии» (Петроград, 1915). Последнюю он характеризует как труд многих лет, основанный на прекрасном знании агиографической и аскетической средневековой литературы, которую Карсавин знает «...возможно лучше, чем какой бы то ни было другой европейский исследователь» [Zabughin 1919, 133]. Одним из научных достижений своего коллеги Забугин считает тот факт, что он «...раскрывает с большой тщательностью органическую связь между многообразными проявлениями итальянской “религиозности” в эпоху раннего Средневековья, где порой различные религиозные стремления могли руководить действиями преследователей и преследуемых, клириков и мирян, теологических мыслителей и черни». При этом Забугин подчеркивает, что Карсавин «...озабочен, иногда даже слишком, находением “среднего арифметического” этой “религиозности”, жертвуя при этом изучением “вершин”: так Святой Доминик и все доминиканское движение остаются за рамками работы» [Zabughin 1914, 432]. По сути, основные результаты работ Карсавина послужат исследователю материалом для раскрытия «...глубинной непрерыв-

ности итальянской религиозной жизни» [Carrara 1924, VIII]; Забугин также будет нацелен на поиск этого «среднего арифметического» ренессансной религиозности и будет обращаться к видениям святых, молитвословам, лаудариям и аскетическим трактатам, к эпистолярному наследию духовных и светских лиц, к литературным, поэтическим, философским, музыкальным, архитектурным произведениям, но при этом, не «жертвуя изучением “вершин”». Очевидно, Владимира Николаевича интересовала в Карсавине его ипостась историка-медиевиста, а не религиозного философа, хотя именно последняя стала наиболее востребованной в позднейших итальянских историко-философских исследованиях (например: [Dioletta-Siclari 2004; Zák 2002]).

У Бицилли русско-итальянский мыслитель рецензирует монографии «Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII в.)» (Одесса, 1916) и «Элементы средневековой культуры» (Одесса, 1919). С Бицилли у Забугина, по-видимому, были более тесные контакты; он упоминает об их переписке и о получении его рукописей (в частности, они обсуждали возможность публикации «Основ» в Италии, чему так и не суждено было сбыться). В письмах Бицилли также встречаются упоминания Забугина, свидетельствующие о наличии дружеских отношений между двумя интеллектуалами. В одном из его писем от 1923 г. находим такие строки: «...бедняга Забугин погиб в Швейцарии – сорвался с кручи. Мне его жаль, потому что он был очень добрый человек и отличный товарищ» [Галчева, Голубович 2015, 141].

В рецензии на «Салимбене» Забугин представляет Бицилли итальянской публике как одного из «наиболее выдающихся и многообещающих русских “итальянистов”», а его труд как «...неоценимый вклад в исследование дантовской и додантовской эпохи» [Zabughin 1918, 133]. Сочинение Бицилли было для своего времени новаторским. Предваряя методологию школы анналов, он одним из первых обращается к ценному свидетелю века, к фигуре францисканского монаха Салимбене Пармского и его «Хронике», описывающей на первый взгляд малозначительные рутинные подробности из разных областей жизни его века, которые, однако (и это особо подчеркивается в рецензии), являются «досрочным комментарием» к «Божественной Комедии». Написание рецензии на другую работу Бицилли, «Элементы средневековой культуры» совпало с периодом интенсивной работы Забугина над рукописями Данте в Ватиканской библиотеке, а также над источниками, которыми вдохновлялся великий поэт, и его эпохой в целом. Таким образом, рецензируемый текст оказывается поводом не только рассказать итальянским читателям о достижениях русской итальянистики, но и высказать свои собственные историко-философские взгляды на эпоху. Забугин критикует коллегу за трансляцию устоявшихся представлений относительно Средневековья, в частности, за его убежденность в «инфантилизме» (иерархичность, символизм, неспособность к логическому синтезу и т.п.) эпохи, в антиномичности мистического и схоластического направлений, за склонность к схематизации явлений культуры. Выступая в защиту средневекового мышления, Забугин пишет: «Хотелось бы сделать несколько оговорок по поводу “инфантилизма” средневековой мысли. В фигуративном искусстве “стилизация” отнюдь не означала техническую неподготовленность. Её использовали Египет и Византия, то же и со стилизацией философского языка... Заметим, что “иерархичность мысли” это в основном наследие политического и социального порядка поздней империи, а не только сложной “разлагающейся ментальности” неоплатонизма, символизм восходит к первым векам Церкви, иначе говоря, к эпохе, в которой человеческий ум был каким угодно, но не “детским” [Zabughin 1920, 300]. Забугин предостерегает Бицилли и от увлечения антиномиями средневекового мировоззрения, за которыми часто скрываются герменевтические и историко-философские ошибки: «В общем, я не думаю, что подобает увлекаться поверхностной игрой схематичных противопоставлений. Схоластика и мистицизм – две стороны одной медали, два темперамента, два состояния души, которые, будучи практически неспособными создать идеальное единство, почти всегда смешиваются и взаимопересекаются» [Ibid., 301].

Что крайне импонирует русско-итальянскому мыслителю в работе Бицилли – так это его междисциплинарный подход к исследованию историко-культурных феноменов. Ведь Забугин уверен, что «...человеческая культура должна быть изучаема не иначе как органическое целое самых различных проявлений, несхожих по форме, но идентичных по содержанию» [Zabughin 1924, 6]. Исследуя различные проявления средневекового гения, Бицилли, по мнению Забугина, «...верно замечает, что великая готическая архитектура давала средневековому человеку все условия, чтобы создавать из себя “объекты”, которые были согласованы в стройной иерархической и символической гармонии... но он начинает заблуждаться, и сильно, когда прибегает к одному из своих поверхностных логических противопоставлений и объявляет, что Средневековье, проявившее себя в архитектуре, осталось бесплодным в музыке – искусстве, которое абстрагируется от пространства и разворачивается во времени» [Zabughin 1920, 305]. Будучи талантливым музыковедом (незадолго до кончины у Забугина добавилась новая должность, он стал приват-доцентом по истории музыки в Римском университете), он резонно замечает, что именно Средневековье дало человечеству такое «...чудо из чудес как григорианское пение» и что «...строгое и суровое единство гомофонной мелодии может быть сопоставимо со статическим единством средневековой архитектуры; тематическое богатство, разнообразие волнообразного ритма, частота мелизмов вполне корреспондируют с избытком пластических “деталей” готической громады» [Ibid., 305–306].

В рассмотренных рецензиях Забугин раскрывается как талантливый критик, которым только и может быть человек, блестяще владеющий и глубоко увлеченный своим предметом. Будучи непрестанно занятым исследовательской, преподавательской, редакторской, а также приходской деятельностью, он находил время, чтобы пристально следить за развитием русской религиозной и историко-философской мысли и делиться ее достижениями с итальянскими читателями. Примечательно, что интерес к русским авторам, работы которых он представил на страницах итальянских научных изданий в первой четверти XX в., с необычайной силой развился у итальянских историков философии в продолжении века и не угасает по сей день (см. об этом: [Кусенко 2018]). Разумеется, Забугин прямым образом не оказал влияния на этот процесс, он сам на долгое время был забыт в итальянских научных кругах (его посмертно опубликованная работа «История христианского Возрождения в Италии» была фактически приговорена к забвению официальными представителями итальянской науки [Кусенко 2019]), его творчество начали открывать лишь в последние десятилетия (см. работы: [Giovannardi 2005; Basile 2011]). Однако имя Забугина несомненно должно быть внесено не только в анналы ренессансных исследований, но и в летопись русско-итальянских духовных и академических связей XX в.

Источники – Primary Sources in Russian and Italian

Булгаков 1997^a – Булгаков С.Н. Церковь и культура // Булгаков С.Н. Два града: Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 348–359 (Bulgakov, Sergius. *Church and Culture*, in Russian).

Булгаков 1997^b – Булгаков С.Н. Средневековый идеал и новейшая культура (По поводу книги Гейнриха Эйкена «История и система средневекового мировоззрения») // Булгаков С.Н. Два града: Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 93–105 (Bulgakov, Sergius. *Medieval Ideal and New Culture*, in Russian).

Галчева, Голубович 2015 – Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015 (Galcheva, Tanya N., Golubovich, Inna V. (2015) *Gradually I Adjust to “Independent Circumstances”*. P.M. Bitsilly and the Florovskys during the First Years of Emigration, in Russian).

Гегель 1935 – Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга третья // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. XI. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935 (Hegel G.W.F. *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*, in Russian).

Селунская 2019 – Селунская Н.А. Чужая страна прошлого, или История с географией. Помпный Лэт и Владимир Забугин // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 17–29 (Selunskaya, Nadezhda A.

(2019) "Alien Country of the Past, or History with Geography. Pomponius Let and Vladimir Zabughin", in Russian).

Carrara, Enrico (1924) Introduzione, *V. Zabughin, Storia del Rinascimento Cristiano in Italia*, Milano, pp. VII–VIII.

Gentile, Giovanni (1989) "Lo spettro bolscevico", *Dopo la vittoria, Opere complete*, Vol. IV, Firenze, pp. 27–30.

Zabughin, Vladimiro (1907^a) "Roma antica e l'Italia moderna nella poesia di A. Majkov". I. Lucio, *Rivista d'Italia*, I, pp. 89–114.

Zabughin, Vladimiro (1907^b) "Roma antica e l'Italia moderna nella poesia di A. Majkov", II. Morte di Lucio. I due Mondi (1863–1872–1881), *Rivista d'Italia*, III, pp. 461–486.

Zabughin, Vladimiro (1911) "Recensione a Prof. Bulgakoff *Le due citta*. Ricerche sulla natura degli ideali sociali", *Roma e l'Oriente: Rivista criptoferatense per l'unione delle chiese*, I, pp. 376–380.

Zabughin, Vladimiro (1914) "Recensione a L.P. Karsavin, Saggi di vita religiosa in Italia nei secoli XII–XIII", *Giornale storico della letteratura italiana*, LXIV, pp. 429–432.

Zabughin, Vladimiro (1915) "L'incontro con un cercatore di Dio", *Roma e l'Oriente*, IX, pp. 252–269.

Zabughin, V. (1918) "Recensione a P.M. Bizilli, Salimbene. Episodi della vita italiana del secolo XIII", *Giornale storico della letteratura italiana*, LXXII, pp. 133–142.

Zabughin, V. (1919) "Recensione a L.P. Karsavin, Le basi della vita religiosa medievale", *Giornale storico della letteratura italiana*, LXXIV, pp. 132–133.

Zabughin, V. (1920) "Recensione a P.M. Bizilli, Gli elementi della coltura medievale", *Giornale storico della letteratura italiana*, LXXVI, pp. 296–306.

Zabughin, V. (1924) *Storia del Rinascimento Cristiano in Italia*, Milano.

Ссылки – References in Russian

Валентини, Талалай 2006 – Валентини Н., Талалай М.Г. Восприятие о. Сергия Булгакова в Италии // Русское богословие в европейском контексте. С.Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. М., 2006. С. 80–95.

Кусенко 2018 – Кусенко О.И. Историко-философские исследования русской мысли в Италии (XX–XXI вв.). М.: ИФ РАН, 2018.

Кусенко 2019 – Кусенко О.И. Итальянские рецензенты концепции «христианского Возрождения» Владимира Забугина // Гуманитар. исслед. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 3. С. 92–98.

Надзаро 2014 – Надзаро А. *A bono in bonum*. В.Н. Забугин, от «Судьбы Вергилия» до «Христианского Возрождения в Италии» // Россия – Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках. СПб.: Алетейя, 2014. С. 205–224.

Рицци 2019 – Рицци Д. Забугин Владимир Николаевич // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М. 2019. С. 262–265.

References

Basile, Bruno (2011) "Un capolavoro incompiuto", V.N. Zabughin, *Storia del Rinascimento Cristiano in Italia*, Napoli, pp. 7–28.

Dioletta-Siclari, Angela (2004) 'I "Sonetti" di L.P. Karsavin'. *Storia e metastoria*, Franco Angeli, Milano.

Giovanardi, Alessandro (2004) "Il cuore sacrale del Rinascimento. Florenskij e Michelangelo", *La nuova Europa*, 2, pp. 43–60.

Giovanardi, Alessandro (2005) "Zabughin e l'anima cristiana del Rinascimento", *La Nuova Europa*, 2, pp. 25–41.

Kusenko, Olga. I. (2018) *Italian Studies in Russian Thought in the XX–XXI Centuries*, Institut Filosofii RAN, Moscow (in Russian).

Kusenko, Olga.I. (2019) 'Italian reviewers of the concept of "Christian Renaissance" in Vladimir Zabugin', *Humanitarian Research in the Eastern Siberia and the Far East*, 3, pp. 3. 92–98 (in Russian).

Nadzarro, Antonio (2014) 'A Bono in Bonum. V.N. Zabughin, from "The Fate of Virgil" to "A Christian Renaissance in Italy"', *Russia-Italy: Cultural and Religious Relations in the 18th-20th Centuries*, Aletejya, SPb., pp. 205–224 (in Russian).

Rizzi, Daniela (2019) "Vladimir Nikolaevich Zabugin", *Russian Presence in Italy in the First Half of the 20th Century: Encyclopedia*, Moscow, pp. 262–265 (in Russian).

Tagliagambe, Silvano (2013) *Il Cielo Incarnato. L'epistemologia del Simbolo di Pavel Florenskij*, Aracne, Roma.

Valentini, Natalino (2009) *L'arte di Vivere. Sei Lezioni su P.A. Florenskij*, Santa Brigida, Firenze.

Valentini, Natalino, Talalay Michail G. (2006) "Perception Fr Sergius Bulgakov in Italy", *Russian Theology in a European Context. S.N. Bulgakov and Western Religious and Philosophical Thought*, ВТИ, Moscow, pp. 80–95 (in Russian).

Žák, Lubomir (2002) "La Kenosi di Cristo nella "Età d'argento"", *Ortodossia Russa: la Prospettiva di L.P. Karsavin (1882–1952)*, Il Crocifisso e le religioni, Roma, pp. 209–229.

Сведения об авторе

КУСЕНКО Ольга Игоревна –
кандидат философских наук, научный сотрудник
сектора истории западной философии
Института философии РАН.

Author's Information

KUSENKO Olga I. –
CSc in Philosophy, Research Fellow
at the Department of Western Philosophy
of Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.